

Уже в 1816 г. в стихотворении, состоящем из 122 ямбических гекзаметров и посвященном Жуковскому (оно начинается с комически звучащего выражения «Благослови, поэт», что напоминает «благослови, владыко» ритуала русской православной церкви), Пушкин упоминает трех поэтов из гл. 8, II *ЕО* в схожей комбинации: «И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил», Державин «в слезах обнял меня дрожащею рукой» (что он не преминул бы сделать, не убеги наш поэт) и Жуковский «мне руку дал в завет любви священной».

Вариант

13—14 Отвергнутое чтение в белой рукописи:

Ты звал меня на славный путь
Ты говорил мне братом будь

III

4, 9 *резвую резвилась*; 5, 12 *буйных буйно* — Эти неуклюжие повторы трудно объяснить, учитывая чрезвычайную тщательность, с которой Пушкин начинал главу.

13—14 *А я гордился меж друзей / Подругой ветреной моей.* — Та же интонация и рифмы встречаются в «Наложнице» Баратынского (соч. 1829—1830), стихи 779—780:

Подруге ветреной своей
Он ежедневно был милей

IV

1—11 Инструментовка первых одиннадцати стихов окончательного текста этой строфы поистине изумительна. Аллитерации строятся на гласном «а» (так произносится безударное «о») и согласных «л», «с», «з», «к».

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал она за мной
Как часто ласковая Муза
4 Мне услаждала путь немой
Волшебством таинного рассказа!
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Ленорой, при луне,
8 Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской

ал ... за
ал а за
ка ас ласк за
4 сла ла
ал ас каЗа
ка ас аскала ка каЗа
ал л

8   скакала ка
ка ас
          л
ласл   ск

Игра внутренних ассонансов, столь поражающая в *ЕО* и других стихотворных произведениях Пушкина, нередко встречается и в английской поэзии. Вспомнить хотя бы перекличку строк Драйдена (в его подражании «Сатирам» Ювенала, VI, 1692), в которых путаница мыслей в состоянии опьянения передается с помощью передразнивающих и вторящих друг другу слов (стихи 422—423; курсив мой):

When *vapours* to their swimming brains advance,
And *double tapers* on the table dance

(Когда пары поднимаются к плавающим мозгам
И раздваивающиеся огоньки свечей начинают плясать на столе)

«Table» соединяет в себе первый слог «tapers» и второй «double»; «vapours» рифмуется с «tapers», а начальные согласные этих двух слов повторяются в конечной рифме «advance — dance». Можно вспомнить и способ, с помощью которого Вордсворт в «Стихах о названиях мест» («Poems on the Naming of Places», VI; написано в 1800—1802, опубл. в 1815) передает звук прибое воображаемого моря, который ему слышится в шелесте елей (стихи 106—108; курсив мой):

and, with a store
Of indistinguishable sympathies,
Mingling most earnest wishes for the day

(...и с множеством
Неясных привязанностей
Смешивая самые горячие желания этого дня)

1—2 *Но я отстал от их союза / И вдаль бежал . Она за мной. — Я отмечаю здесь любопытную перекличку, слабый отголосок «Вакханки» Батюшкова (двадцать восемь строк, написанных четырехстопным хореем в 1816 г. в подражание «Нарядам Венеры» Парни / «Déguisements de Vénus», IX, изд. 1808):*

Нимфа юная отстала,
Я за ней — она бежала

2 Интонация пушкинской строки и смысл батюшковского хореев напоминают мне один стих из «Падения» («The Fall»), стихотворения сэра Чарльза Седли (ок. 1639—1701), о котором ни тот ни другой не могли ничего знать.

I follow'd close, the Fair still flew

(Я по пятам за ней, красotka же все дальше)

2 *вдаль бежал; 6 по скалам Кавказа; 9 по берегам Тавриды; V, 3 в глуши Молдавии; 11 в саду моем — В настоящих комментариях не раз упоминались странствия Пушкина После своего бегства (или, вернее, высылки) из Петербурга в начале мая 1820 г. Пушкин провел большую часть лета на Кавказе, а затем пробыл три недели в южном Крыму. Эти два периода ознаменовались написанием первого черновика «Кавказского пленника» (начат в августе 1820 г) и «Бахчисарайского фонтана», который был написан в городе следующего официального*

местопребывания Пушкина — Кишиневе, расположенном в центре Молдавии, или Бессарабии (где развиваются события «Цыган», 1823—1824), где Пушкин жил с осени 1820 г. по лето 1823-го, после чего перебрался в Одессу. «Мой сад» относится к родовому имению Пушкиных Михайловскому Псковской губернии, куда поэт был сослан правительственным указом с августа 1824 по сентябрь 1826 г.

Для многочисленных комментаторов стало расхожим местом сетовать на «ссылку» Пушкина. На самом же деле можно возразить, что в течение этих шести лет он писал больше и лучше, чем если бы остался в Петербурге. Ему не было позволено вернуться в столицу, что, несомненно, вызывало сильное раздражение у нашего поэта в течение всех лет его службы в провинции и деревенского затворничества (1820—1824, 1824—1826). Однако биографу не следует преувеличивать тяготы его изгнания. Начальник Пушкина генерал Инзов был образованным и благожелательным человеком. Прозябание Пушкина в Кишиневе проходило гораздо легче, чем у большинства военных, предававшихся азартным играм и попойкам в этой провинциальной дыре, куда они были заброшены вместе со своим полком по долгу службы. Его по-светски рассеянный образ жизни, полный романтических приключений, в веселой и изысканной Одессе оказался очень приятным видом ссылки, несмотря на вражду поэта с графом Воронцовым. Да и тихое Михайловское с милым семейством Осиповых, проживавшим по другую сторону соснового бора, через который Пушкин ездил верхом, очень скоро стало манить его обратно, как только ему было позволено выбрать место жительства по собственному желанию

6 <...>

7—8 *Она Ленорой, при луне, / Со мной скакала на коне!* — «Ленора» — знаменитая баллада, написанная в Геллиехаузене близ Геттингена летом 1773 г. Готфридом Августом Бюргером (1747—1794). Он прилежно штудировал «Реликвии древней английской поэзии» («Reliques of Ancient English Poetry», 3 vols, London, 1765), собранные Томасом Перси (Thomas Percy, 1729—1811), позднее ставшим епископом Дроморским. «Ленора» состоит из 256 строк, или тридцати двух строф, по восемь ямбических строк, со схемой рифм *babacsee*, мужскими окончаниями в четырехстопных строках и женскими в трехстопных — построение весьма оригинальное. Этот стихотворный рисунок точно воспроизведен Жуковским в его посредственном переводе 1831 г. («Ленора») и полностью соответствует схеме пушкинской строфы в «Женихе» (1825), стихотворении, далеко превосходящем по своему художественному гению все когда-либо написанное Бюргером. «Ленора» Бюргера во многом обязана старым английским балладам. Заслуга же немецкого поэта заключается в том, что он утвердил, сконцентрировав в совершенном, с формальной точки зрения, произведении тему «луны — гробницы — призрака», в определенном смысле ставшую логическим следствием присутствия Смерти в Аркадии и краеугольным камнем романтизма Гете.

Хорошо известен вариант этой баллады Скотта под названием «Вильям и Элен» («William and Helen», 1796) (стихи 113—116):

We saddle late — from Hungary
I rode since darknees fell,
And to its bourne we both return
Before the matin-bell

(Мы поздно садимся на коней — из Венгрии
Я скакал с наступления темноты,
И к ее границе мы оба возвращаемся
До колокола, зовущего к заутрене)

Кстати, мысль о мгновенных волшебных перемещениях в пространстве встречается в «Слове о полку Игореве», с которым возникает любопытная переключка, — в знаменитом отрывке или позднейшей интерполяции, где описывается занимавшийся колдовством князь Полоцкий Всеслав (1044—1101). Сообщается, что последний («объятый синей мглой») мог с такой скоростью пересекать Русь, что, провожаемый заутреней в Полоцке, успевал прибыть в Киев, когда там все еще звонили колокола, а из Киева он добирался до Черного моря еще до первого крика петуха. Этот Всеслав — своего рода славянский Майкл Скотт (ок. 1175—1234).

Жуковский создал два подражания бюргеровской «Леноре» в 1808 г. «Людмилу» (приблизительное переложение, состоящее из 126 четырехстопных двустиший, среди которых обнаруживается один из источников пушкинских сведений о «Леноре» — «Светит месяц, дол сребрится; / Мертвый с девицею мчится») и в 1812 г. замечательную балладу «Светлана», которую я анализирую в своем коммент. к гл. 3, V, 2—4.

Жуковский владел немецким, но большинство русских литераторов знало балладу Бюргера лишь по книге мадам де Сталь «О Германии», в которой она анализируется, и по французским переложениям Заголовков первого французского издания замечательно выявляет подход к переводу баллады — «Léonora», «traduction de l'anglais» (то есть перевод, основанный на английской версии У. Р. Спенсера), выполненный С. Ад. де Ла Мадлен (Paris, 1811) Другое смехотворное французское подражание вышло из-под изысканного пера Полины де Бради (Paris, 1814), которая все же была знакома с немецким первоисточником Думаю, именно оно стало образцом для «Ольги» (1815) Павла Катенина, неуклюжей вещицы, писанной четырехстопным хореем. Французская версия Поля Лера («Léonora», Strasbourg, 1834) еще более утонченна:

Ses bras de lis étreignent son amant,
Au grand galop ils volent hors d'haleine *

Это восхитительно мелодично, хоть и не более чем парафраз стихов 148—149 Бюргера.

После того как Ленора, оплакивая исчезновение Вильяма, обрушивает на Провидение лавину упреков (это место было значительно приглушено Жуковским), ее возлюбленный, к этому времени уже мертвый, является, чтобы ее забрать (стихи 97—105):

Und aussen, horch! ging's trap trap trap,
Als wie von Rosseshufen,
Und klirrend stieg ein Reiter ab,
An des Geländers Stufen,
Und horch! und horch! den Pfortenring
Ganz lose, leise klinglingling!
Dann kamen durch die Pforte

* Ее лилейные руки сжимают в объятьях возлюбленного, / Быстрым галопом они летят, задыхаясь. (Фр)

Vernehmlich diese Worte
«Holla, Holla! Thu auf, mein Kind! »*

Всадник предупреждает Ленору, что до брачного ложа в Богемии им предстоит дорога в сто миль, да и ложе, как выясняется через несколько строф, это его могила. В знаменитом стихе (149) они пускаются в путь:

Und hurre hurre, hop hop hop! **

и далее в стихах 157—158:

Der Mond scheint hell!
Hurra! die Todten reiten schnell!***

По дороге (XXV) они минуют виселицу, освещенную мертвенным лунным светом.

Я часто гадал, почему Пушкин предпочел сравнить свою Музу с этой перепуганной девой, и хотя, несомненно, его выбор может быть объяснен пристрастием к романтизму, которым окрашены его ранние произведения, очень велико искушение увидеть призрачные силуэты пяти казненных декабристов на виселице, стоящей на обочине автобиографического пути, ретроспективно пробегаемого воображением Пушкина в 1829 г.

12 *Нереида* — морская нимфа, дочь морского божества Неря.

Вариант

1—4 Беловая рукопись содержит следующий вариант:

Но рок мне бросил взоры гнева
И вдаль занес — Она за мной
Как часто ласковая дева
Мне услаждала час ночной

V

1—4 *И, позабыв столицы дальней / И блеск и шумные тирь, / В глуши Молдавии печальной / Она смиренные шатры* и т. д.

3 Молдавия — по-румынски Молдова, часть Бессарабии, крайний юго-запад России. С той же интонацией меланхолической удаленности она уже упоминалась в гл. 1, VIII, 13. См. также коммент. к гл. 8, IV, 2, 6, 9.

4—9 Пушкин имеет в виду свои впечатления 1820—1823 гг., когда он жил в Кишиневе, столице Бессарабии, и два-три раза совершал путешествия по прилежащим областям. Так, в декабре 1821 г. он предпринял десятидневную поездку в Измаил. В январе 1824 г. ненадолго вернулся в Молдавию и посетил Тирасполь и Каушаны, где тщетно пытался отыскать следы Мазеповой могилы. Главным

---

* А снаружи, слушаи! раздается цок-цок-цок, / Словно бы конских копыт, / И, бряцаая, слезает всадник / На ступени крыльца / И слушаи! слушаи! кольцо на затворе / Совсем нетвердо, тихо звяк-звяк-звякает! / Потом сквозь затвор / Внятно слышны такие слова / «Гей, гей! Вставай, дитя мое!» (Нем)

** И хурре, хурре, хоп, хоп, хоп! (Нем)

*** . Луна светит ясно! / Ура! Мертвецы скачут быстро! (Нем)